УДК 821.161.1.09”18”

Т.Г. Дубинина

Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева

В статье рассматривается комплекс значений мифологемы «птица», который в «таинственных» повестях писателя и в ряде его «Стихотворений в прозе» получает индивидуальную образно-метафорическую реализацию. Мифологема «птица» всегда сохраняет первичные значения «общего» и является в рассмотренных произведениях Тургенева проводником таинственного.

Ключевые слова: Тургенев; «таинственные» повести; «Стихотворения в прозе»; птица; мифологема.

Изучение орнитологической образности в творчестве И.С. Тургенева имеет свою историю и прежде всего связано с осмыслением характерологической функции многочисленных «птичьих» сравнений и метафор в прозе писателя (см.: И.А. Беляева [4], Г.Б. Курляндская [6], О.М. Барсукова [3], К.В. Лазарева [7]). При этом исследователи нередко подчёркивают символические (О.М. Барсукова [3]) и мифопоэтические значения последних (К.В. Лазарева [7]), особенно если речь идёт о «таинственных» повестях Тургенева. Нам представляется, что в поздней прозе писателя, особенно в его лирических прозаических миниатюрах и в «таинственных» повестях, вариативные интонации орнитологической образности реализуют общий и единый для всех текстов первосмысл, который скрыт в мифологеме «птица».

Обратимся к понятию «мифологема». В отечественной научной традиции на сегодняшний день его нельзя назвать устоявшимся. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» определение мифологемы отсутствует. На терминологическую неясность мифологемы обращает внимание А.К. Байбурин, отмечая при этом частотность её употребления: «Мифологема <…> — термин с неустоявшимся содержанием. Используется для обозначения единицы мифологического повествования» [2: с. 78].

С.М. Телегин, опираясь на западноевропейскую традицию (работы А. де Миранда, Дж. Холлиса), понимает под мифологемой «первоначальный первообраз, “семя”, из которого вырастает определённый образ или сюжет». «Мифологема, — пишет учёный, — первичная идея-форма мифологического образа» [9: с. 15].

Продуктивное разрешение вопроса о соотношении мифологического образа и мифологемы, архетипа и мифологемы мы находим в работах М.Ч. Ларионовой.

В монографии «Место, которого нет… Острова в русской литературе», написанной в соавторстве с Л.И. Горницкой, исследователь справедливо разграничивает понятия архетипа и мифологемы: «Архетип — не образ и не мотив, но тенденция, вектор для образа или мотива. Архетип может проявлять себя <…> в различных нехудожественных явлениях <…> либо в мифопоэтическом творчестве и его единице — мифологеме» [5: с. 13]. Авторы работы подчёркивают, что мифологема — это модель, инвариант, «структурно-семантическая единица в отвлечении от ее конкретных реализаций» [5: с. 13]. В художественном произведении мифологема, по мысли учёных, не существует в чистом виде, а «только в виде культурного “слова”, или сюжета, мотива и художественного образа» [5: с. 14]. И потому «художественный образ — это единичная и уникальная реализация мифологемы» [5: с. 14]. М.Ч. Ларионова приходит к ценному для нас выводу о том, что мифологема — это «воспроизведение устойчивых тем и образов <…> *в их исторически обусловленных вариантах, часто не совпадающих с собственным смыслом мифа.* Мифологема — это архетип, обретший конкретную художественную форму» [8: с. 99] (курсив наш. — *Т.Д.*). И потому архетип, мифологема и образ, восходящий к ним, являются важными ступенями художественной конкретизации в культуре, а затем и в индивидуальном творчестве общего глубинного «первообраза» [10].

Вслед за работой М.Ч. Ларионовой и Л.И. Горницкой в предлагаемой статье понятия «мифологема птицы» и «образ птицы», «орнитологическая образность» используются как во многом синонимичные и соотнесенные между собой по принципу общее в культуре (мифологема) / индивидуальное (образ).

Птица — устойчивый знак в мировой культуре. С древнейших времён он связывался с потусторонними силами, часто — как их посланник. Так, в мифологии некоторых народов вершину древа мира венчает птица, в древнегреческой мифологии печень Прометея клюёт огромный орёл. В христианстве в виде голубя изображается Святой Дух, голубь же является и символом мира. Одновременно птица символизирует возрождение и вечную жизнь (птица Феникс). Добавим народные традиции выпекать птиц из муки в ритуалах закличек весны, фольклорный образ Жар-птицы. Однако известны и амбивалентные значения птицы: по русским поверьям её появление предвещает большую беду [11]. Итак, глубинные значения мифологемы птицы в мировой и в русской культуре закреплены в значениях смерти, иррациональных сил, нередко враждебных человеку, и одновременно свидетельствуют о возрождении, надежде и небесной милости.

В «таинственных» повестях Тургенева, а также в его «Стихотворениях в прозе» эти общие значения мифологемы птицы обретают индивидуальную образную полноту и характерность, но всегда сигнализируют о первичном. В статье мы остановимся на повестях 1860-х годов («Призраки», «Довольно») и на трёх поздних тургеневских лирических миниатюрах («Старуха», «Дрозд I», «Куропатки»).

В повести «Довольно» мифологема «птица» сопряжена с образом возлюбленной героя, мотивом ожидания любви, счастья, весны. «Это было в конце марта, перед благовещением, вскоре после того, как я в первый раз тебя увидел, и, еще не подозревая, чем ты станешь для меня, уже носил тебя в сердце — безмолвно и тайно» [1: т. 7, с. 221]. Переезжая одну из «главных рек России», ещё скованную льдом, герой испытывает чувство какой-то радостной, непонятной тревоги. Пытаясь разобраться в её истоках, он останавливается в изумлении, вопросительно смотрит вокруг. «Все было тихо, бело, сонно; но я поднял глаза: высоко неслись над станицей перелётные птицы… “Весна! Здравствуй, весна! — закричал я громким голосом. — Здравствуй, жизнь, и любовь, и счастье!”» [1: т. 7, с. 221]. Итак, птицы, возвращающиеся в Россию, становятся не только приметой весны, но и раскрывают герою причину его сладкой тревоги, служат вестниками любви и приближающегося счастья. Отметим, что в данном случае можно говорить о параллели с народной мифологией — уже упоминавшейся традиции выпекания птиц из хлеба, в ритуалах, сопровождающих наступление весны. Более того, перелётные птицы возвращаются в канун большого церковного праздника — Благовещения, сопрягая, таким образом, темы любви и счастья с божественным промыслом, с радостной вестью для всего человечества, с любовью как первоосновой жизни.

Второе упоминание птицы в повести также связано с мотивом ожидания счастья, даруемого любовью. Герой вспоминает свои свидания с возлюбленной, как он ожидал её прихода в старом русском саду: «<…> все овеяно какой-то светлой, ласковой таинственностью — и уже чудится мне быстрый шелест шагов — и стою я, весь напряженный и легкий как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь — и сердце горит и трепещет веселым страхом перед близким, перед налетающим счастьем» [1: т. 7, с. 223].

Отметим, что в повести и образ птицы, и орнитологическое сравнение связаны с мотивом тайны — любви и счастья. В первом случае герой чувствует тайну в самом себе — в нём нарастает непонятная тревога, второй раз — всё в саду овеяно ласковой таинственностью. Думается, что любовь и счастье во многом составляют для Тургенева тайну жизни человека, и примечательно, что эта тайна обретает в повести именно «птичьи» очертания, что глубинно свидетельствует о радости жизни (на этом сделан больший акцент), но и подспудно — о бренности земного.

В повести «Призраки» таинственные интонации также маркируются с помощью орнитологических метафор и сравнений, однако их эмоциональное наполнение будет несколько иным.

Таинственная незнакомка по имени Эллис назначает рассказчику свидание рядом со старым дубом, растущим на берегу пруда. В один из вечеров герой приходит в условленное место, но призрак (будем называть Эллис так) не появляется. Героя охватывает грусть: «“Эллис! Эллис! приди же! Неужели ты не придёшь?” — закричал я в последний раз. Ворон, которого мой голос

разбудил, внезапно завозился в вершине соседнего дерева, и, путаясь в ветвях, захлопал крыльями…» [1: т. 7, с. 208]. Спустя некоторое время после этого зова Эллис появляется и разом подхватывает героя: «...кобчик так подхватывает когтем, “чокает” перепела» [1: т. 7, с. 208]. Известно, что ворон — помощник и вестник тёмных сил, к которым, скорее всего, и принадлежит Эллис. Призрак же налетает на героя, как хищная птица на жертву. Образ птицы-хищника и птицы-жертвы переплетаются в тексте повести. Конечно, самое сильное звучание образ птицы-хищника приобретает в финале произведения, когда в нём «персонифицируется» сама смерть, которая настигает Эллис и рассказчика: «Мерное, широкое колебание снизу вверх и сверху вниз, колебание, напоминающее размах крыльев хищной птицы, когда она ищет свою добычу <…> Эта сила шла; та сила, которой нет сопротивления, которой все подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла — все видит, все знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы» [1: т. 7, с. 216].

Благодаря сравнению с хищной птицей Эллис прочно ассоциируется у читателя со смертью: сначала героиня нападает на рассказчика, подобно хищной птице, потом смерть преследует и настигает саму Эллис. Стираются границы между жертвой (слабой птицей) и хищником (хищной птицей-смертью): «Эллис кувыркалась в воздухе, падала, бросалась из стороны в сторону, как куропатка, смертельно раненная или желающая отвлечь собаку от своих детей» [1: т. 7, с. 216]. Интересно, что рассказчик в любом случае оказывается жертвой и для Эллис, и для настигающей его в финале смерти (вспомним, что он худ и смертельно, до желтизны, бледен), которая в повести предстаёт и в виде летающего призрака Эллис (она же жалкая куропатка), и в виде хищной птицы.

Образ птицы-жертвы встречаем, кроме повести «Призраки», в лирической прозаической миниатюре «Куропатки». Герой, больной неизлечимым недугом, испытывает сильные физические страдания, размышляет, почему наказан именно он? В чём он провинился? В голову ему приходит сравнение со стаей куропаток: «Целая семейка куропаток <…> столпилась в густом жнивье. Вдруг вспугивает их собака <…> раздается выстрел — и одна из куропаток, вся израненная, падает» [1: т. 10, с. 187]. Та несчастная куропатка ничем не провинилась, она не хуже и не лучше своих сестер. Но слепой случай, судьба распоряжается таким образом, что именно она оказывается жертвой охотника. Человеческая жизнь тоже зависит от неких таинственных сил — мы лишь покоряемся им, не в силах ничего противопоставить: «Лежи, больное существо, пока смерть тебя не сыщет» [1: т. 10, с. 187]. В этой миниатюре птица — уже не часть вечных сил природы, а наоборот — случайная их жертва.

Итак, в повести «Призраки», как и в «Довольно», таинственные силы, управляющие жизнью человека, связаны с мифологемой птицы. Примечательно, что самая пессимистическая повесть «Довольно» в большей степени акцентирует значения жизни и возрождения, а в «Призраках» реализуются катастрофические смыслы. При этом в обоих произведениях не умаляется амбивалентность мифологемы.

Трагические значения мифологемы «птица», схожие с её звучанием в «Призраках», обнаруживаются в лирической прозаической миниатюре «Старуха». В образе старухи изображается сама судьба, которая толкает героя к неизбежной смерти. Отметим, что слепая судьба дважды сравнивается в небольшом тексте с птицей: «Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой, какая бывает у иных птиц: они защищаются ею от слишком яркого света» [1: т. 10, с. 127]. Увидев плеву, герой приходит к выводу, что неотступно следующая за ним женщина — слепая нищенка, просящая милостыню. Пройдя ещё какое-то расстояние, он все ещё слышит за собой мерные шаги преследующей его старухи, видит могилу, в которую она его толкает: «Я круто поворачиваю назад… Старуха опять передо мною… Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами… глазами хищной птицы…» [1: т. 10, с. 128]. Выстраивается такая же, как и в «Призраках», цепочка образов: старуха – птица – смерть.

Птица как знак непостижимой для человека бесконечности есть и в стихотворении в прозе «Дрозд I». Герой, мучаясь бессонницей, в предрассветный час слышит пение чёрного дрозда: «Они дышали вечностью, эти звуки, — всей свежестью, всем равнодушием, всею силой вечности» [1: т. 10, с. 175]. Особняком в стихотворении стоит тема личного в его сопоставлении с вечным: «Он пел, он распевал самоуверенно, этот черный дрозд; он знал, что скоро, обычной чередою, блеснет неизменное солнце; в его песне не было ничего своего, личного; он был тот же самый черный дрозд, который тысячу лет назад приветствовал то же самое солнце и будет его приветствовать через другие тысячи лет, когда то, что останется от меня, быть может, будет вертеться незримыми пылинками вокруг его живого звонкого тела, в воздушной струе, потрясенной его пением» [1: т. 10, с. 175]. Одинокий человек с его любовью, горестями, сомнениями, страхами — ничто перед лицом вечности, вокруг него уже разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут его в безбрежный океан.

Птица в этой лирической миниатюре — и певец вечности, и часть её, часть равнодушной природы, которая будет сиять многие века после смерти человека и которой не интересны ни его горести, ни его радости. Представляется возможным говорить здесь об оппозиции *человек – птица* как о противостоянии индивидуального и вечного. Жизнь человеческая коротка и конечна, однако это её качество, как и слабость человека, осмысляются не исключительно трагически, как в «Призраках» или в миниатюре «Старуха», а подразумевают и иную эмоциональную палитру. У героя выступают сладкие и радостные слёзы: «Она не утешила меня — да я и не искал утешения… Но глаза мои омочились слезами, и шевельнулось в груди, приподнялось на миг недвижное, мертвое бремя. Ах! и то существо — не так же ли оно молодо и свеже, как твои ликующие звуки, предрассветный певец (дрозд. — *Т. Д.*)» [1: т. 10, с. 175].

Таким образом, при всём многообразии ситуаций и конкретно-образных воплощений, в которых у Тургенева встречается орнитологическая образность

и метафорика, она связана с комплексом значений мифологемы «птица» и является проводником доминирующей в ряде его произведений интонации таинственного.

Библиографический список

Источники

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. 559 с.; Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.

Литература

2. *Бабурин А.К.* Мифологема // Народные знания. Фольклор. Народное искусство / отв. ред. Б.Н. Путилов, Г. Штробах. М.: Наука, 1991. 167 с.
3. *Барсукова О.М.* Образ птицы в прозе И.С. Тургенева // Рус. речь. 2002. № 2. С. 22–28.
4. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 249 с.
5. *Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч.* Место, которого нет… Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
6. *Курляндская Г.Б.* Эстетический мир И.С. Тургенева. Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещат. компании, 1994. 343 с.
7. *Лазарева К.В.* Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева. Ульяновск: УлГПУ, 2008. 222 с.
8. *Ларионова М.Ч.* Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2011. 256 с.
9. *Телегин С.М.* Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. науч. заоч. конф. / под ред. Г.Г. Исаева; сост.: Г.Г. Исаев, Т.Ю. Громова, Д.М. Бычков. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. 289 с.
10. *Яковлев М.В.* Неомифологическое откровение в книге стихов А. Блока «Нечаянная Радость» // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 2. С. 49–57.

Справочные и информационные издания

11. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://gufo.me/content_mifenc/pticy-92251.html (дата обращения: 29.09.2015).

References

Istochniki

1. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. T. 7. M.: Nauka, 1981. 559 s.; T. 10. M.: Nauka, 1982. 607 s.

Literatura

2. *Baburin A.K.* Mifologema // Narodny’e znaniya. Fol’klor. Narodnoe iskusstvo / otv. red. B.N. Putilov, G. Shtrobax. M.: Nauka, 1991. 167 s.
3. *Barsukova O.M.* Obraz pticy’ v proze I.S. Turgeneva // Rus. rech’. 2002. № 2. S. 22–28.

4. *Belyaeva I.A.* Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva. M.: MGPU, 2005. 249 s.

5. *Gorniczkaya L.I., Larionova M.Ch.* Mesto, kotorogo net… Ostrova v russkoj literature. Rostov n/D: Izd-vo UNC RAN, 2013. 226 s.

6. *Kurliandskaya G.B.* Esteticheskij mir I.S. Turgeneva. Orel: Izd-vo Orlovskoj gos. teleradioveshat. kompanii, 1994. 343 s.

7. *Lazareva K.V.* Mifopoe'tika «tainstvennix povestej» I.S. Turgeneva. Ul'yanovsk: ULGPU, 2008. 222 s.

8. *Larionova M.Ch.* Mif, skazka i obryad v russkoj literature XIX veka. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2001. 256 s.

9. *Telegin S.M.* Termin «mifologema» v sovremennom rossijskom literaturovedenii // Arxetipy', mifologemy', simvoly' v xudogestvennoj kartine mira pisatelya: materialy' Mezdunar. nuach. zaoch. konf. / pod red. G.G. Isaeva; sost. G.G. Isaev, T.U. Gromova, D.M. By'chkov. Astraxan': Astraxanskij un-t, 2010. 289 s.

10. *Yakovlev M.V.* Neomifologicheskoe otkrovenie v knige stixov A. Bloka «Nechayannaya Radost'» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 2. S. 49–57.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Pticzy' // Mify' narodov mira. E'nciklopediya / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. enciklopediya, 1980 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://gufo.me/content_mifenc/pticy-92251.html (data obrasheniya: 29.09.2015).

T.G. Dubinina

The Mythologem of the Bird in the «Dream» Tales and «Prose Poems» by I.S. Turgenev

The article deals with the complex of meanings of the «bird» Mythologem, which receives an individual figurative and metaphorical implementation in his «Dream» Tales and a number of «Prose Poems». The mythologem «bird» always retains the primary meaning of «the general» and functions a mystery guide in the works by Turgenev.

Keywords: Turgenev; «Dream» Tales; «Prose Poems»; bird; mythologem.